

А.А. Попов, д. филос. н., ведущий научный сотрудник Школы антропологии будущего Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; эксперт Института непрерывного образования Московского городского педагогического университета; профессор кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета.

Интервьюер: Михаил Сергеевич Аверков, доцент Краевого ресурсного центра по работе с одаренными детьми КК ИПК РО (далее по тексту – М.А.)

«Субъектом в образовании является тот, кто выдвигает свою онтологию...»

Аннотация: в рамках интервью, спикер описывает три основные категории субъектов в современной Российской Федерации: государственную власть, общественные организации и семьи, в том числе, семейные ассоциации, и характеризует их подходы и интересы относительно образования детей. В интервью демонстрируется и обосновывается тезис о том, что основным критерием субъектности в сфере образования является способность мышления относительно образов будущей жизни, как отдельных обучающихся, так и общества в целом, и как следствие, наличие общей онтологии образовательной деятельности. Спикер показывает, что в современной общественной ситуации, успешное развитие сферы образования возможно лишь в результате сотрудничества всех трех субъектов в режиме равноправного сетевого взаимодействия.

Ключевые слова: субъекты образовательной деятельности; государство как субъект образования; общественные организации как субъект образования; семья как субъект образования; родовая стратегия; сетевая кооперация в образовании; онтология образовательной деятельности.

Abstract: within the framework of the interview, the speaker describes three main categories of subjects in the modern Russian Federation: state authorities, public organizations and families, including family associations, and characterizes their approaches and interests regarding the education of children. The interview demonstrates and substantiates the thesis that the main criterion of subjectivity in the field of education is the ability to think about the images of future life, both for individual students and society as a whole, and as a result, the presence of a common ontology of educational activity. The speaker shows that in the modern social situation, the successful development of the education sector is possible only as a result of the cooperation of all three subjects in the mode of equal network interaction.

Keywords: subjects of educational activity; the state as a subject of education; public organizations as a subject of education; family as a subject of education; generic strategy; network cooperation in education; ontology of educational activity.

М.А. – Первый вопрос нашего интервью очевидным образом связан с определением субъектов образования – и основного, и дополнительного, – а также с теми параметрами и критериями, согласно которым, ту или иную структуру, того или иного человека, можно было бы к ним отнести. Кто, ваш взгляд, является субъектом образовательной деятельности?

А.А. Попов. – С моей точки зрения, субъектом образовательных отношений должен быть субъект построения (конструирования) определённого будущего. Субъект будущего. Я могу выделить как минимум три типа таких субъектов.

Тип первый – это представители власти или даже, точнее, политики. Известно, что дословный перевод известного афоризма Френсиса Бэкона «Знание – сила» выглядит как:

«Знание – это власть». Бэкон, будучи не только философом и одним из основателей современной науки, но и лордом-канцлером Британии, знал, о чём говорил. И это уже показывает, что образование, его поддержание и развитие обязательно оказывается в поле зрения людей, обладающих властью или борющихся за неё, поскольку оно, как источник тех самых знаний, является важным элементом политики как инструмента построения того или иного будущего.

Тип второй – это, как ни банально может прозвучать, общество, если понимать его как совокупность собственников капиталов разного типа. Речь, прежде всего, идет о нематериальных капиталах – в частности, о брендах и, что наиболее значимо для нашей социокультурной ситуации, о *доверии*. И эти капиталы, как, собственно, любой капитал, призванный преумножить сам себя и попутно изменить окружающие обстоятельства, являются ключевым фактором конструирования будущего.

Тип третий – с одной стороны, очень древний, а с другой стороны, фактически только сейчас возрождающийся в нашей стране – это семья, предполагающая не просто отношения между несколькими поколениями родственников «здесь и сейчас», а *родовую стратегию*, позволяющую человеку, чья жизнь заведомо ограничена, продолжить её после себя. Символично, что пока я ждал вашего звонка, я рассматривал конструктор, подаренный семилетнему ребенку. У него на коробке, там, где всегда указывается возраст человека, для которого изделие предназначено, написано: «5-95 лет». У меня, конечно, возник вопрос – а почему верхняя граница обозначена именно как 95 лет: почему не 100 и не 105. Но само по себе это значимо, поскольку говорит о понятии рода, где прадедушка может играть со своим маленьким потомком в одну и ту же игрушку.

К сожалению, на данный момент в нашей стране достаточно небольшое количество семей может определять и выстраивать свою жизнь стратегически – как целенаправленную передачу своих ценностей и своего опыта детям, а затем прямо или опосредованно, внукам и, если повезет, правнукам.

Я сам не могу назвать себя идеальным отцом семейства, поскольку, посвящая огромное количество времени своей жизни внесемейной деятельности – работе, реализации проектов, и т.п. . Но меня утешает известная фраза одного ученого, который сам вырос в интеллектуальной семье: «Меня воспитал свет в щели под дверью в кабинет отца», – то есть, когда мальчик засыпал, он видел, что отец продолжает работать, и воспринял это как ценность. Надеюсь, что подобное впечатление складывается или сложится и у моих детей. Если продолжать примеры моей собственной семьи, моего *рода*, могу сказать, что мой собственный отец был достаточно крупным для советского времени начальником в сфере управления образованием. И хотя он меня, в общем-то целенаправленно воспитывал, главным фактором этого воспитания всё равно стал тот самый «ночной свет в его кабинете»: его занятость, его дела – в частности, он всегда возил меня на все мероприятия, которыми занимался по должности, начиная от пионерских слётов, заканчивая большими управленческими мероприятиями общегосударственного уровня. Притом, он не требовал от меня «включения» в процесс – он привозил меня и оставлял «в покое» – но при этом давал возможность ходить по всем пространствам, где проходило мероприятие, и слушать всё, что говорили взрослые. Я при этом мог и не ходить, а сидеть на месте и играть или читать книжку. Но я в основном везде ходил и явно многое из деятельности отца, не понимая по смыслу, воспринимал эмоционально. Я считаю, что мой отец очень мудрый человек, и дай Бог ему счастья и здоровья (сейчас ему 82 года). Притом, что вряд ли он мыслил семью и род так, как сейчас мыслю я – как продолжение себя в будущем и как построение будущего: все же он жил в советское время, когда планирование на такие большие промежутки времени считалось немислимым.

Если продолжать обсуждать семью и род как третьего субъекта образовательных отношений, стоит вспомнить один мой давний проект, связанный с целевым воспитанием сына очень состоятельного человека. В силу того, что заказчик был человек

высокообразованный, он пожелал не просто «гувернирования» и становления у наследника отдельных знаний и компетенций, а именно работы с ним по построению родовой стратегии, причём, продолжительностью около 500 лет. Поэтому, нам пришлось проектировать не только ситуацию, связанную с образованием, воспитанием, подготовкой к взрослой жизни конкретного человека, но и проектировать все возможные ситуации, которые могут случиться с его потомками в течение ближайших 500 лет (!), и на которые он, живя и действуя сейчас, может прямо или косвенно повлиять. В нашей книге «Будущее просто шло своей дорогой» первая часть с символическим названием «Мальчик за миллион» (разумеется, долларов), описывает как раз этот семейный образовательный проект. Что будет с этим мальчиком – теперь уже бывшим, он, разумеется, взрослый человек, - мы ещё не знаем. Но, во всяком случае, его отец сделал подобный заказ не только относительно сына, но и относительно поколений своей семьи на столетия вперёд.

Итак, обобщим: на мой взгляд, есть три *настоящих* субъекта образования – те люди или структуры, которые проектируют и выстраивают будущее. *Первый субъект*: властные и политические структуры. Второй субъект — это общественные структуры, формирующие общественное мнение. Третий субъект — это семьи, социальные структуры, связанные кровными связями, порождающие и реализующие родовые стратегии. Возможно, это перечень не исчерпывающий, но в качестве главного критерия субъектности в образовании я обозначаю именно способность и готовность *удерживать вопрос о создании будущего*.

М.А. – А каким образом можно удерживать этот, прямо скажем, непростой вопрос? Какие силы и возможности для этого необходимы?

А.А. Попов. – На мой взгляд, есть два способа удержать этот вопрос. Первый – удерживать его хотя бы аналитически, но в режиме анализа собственных интересов и соответствующих им факторов настоящего, которые могут дать представления о вероятном будущем. Второй – за счёт построения специального проекта, но лишь в том случае, если имеются социально-управленческие инструменты и «рычаги» для его реализации.

М.А. – Тогда мы очень удачно переходим к вопросу: какова иерархия этих субъектов в современных, актуальных для нас отношениях в системе отечественного образования? Кто из них доминирует, кто подстраивается под других, кто может стать контрдоминирующей силой и выйти на первое место в течение 50-х лет?

А.А. Попов. – Вопрос прекрасный, но ответ на него простой: между этими типами субъектов нет иерархии. Это связано с тем, что наша социокультурная, а главное, социально-экономическая эпоха вообще не иерархична. Я не сторонник каких бы то ни было конспирологических теорий, утверждающих наличие некоего единого «мирового правительства». И причина этого проста: распределение финансовых средств и распространение геополитических взглядов в современном мире не может быть управляемым из одного-единственного центра – и слава тебе Господи, что так происходит. Поэтому иерархические схемы в наше время непродуктивны.

Зато, с моей точки зрения, продуктивны именно схемы субъектности, которым посвящен выпуск вашего журнала. Приведу простой пример: я возглавляю несколько маленьких исследовательских организаций, включенных при этом в деятельность больших региональных и федеральных структур. Мы сотрудничаем с этими структурами, обладающими большой властью и ресурсами. Но при этом, решить вопрос, кто из нас более или менее влиятелен, принципиально невозможно. Одни обладают формализованной силой, но не могут организовать и реализовать законченный проект (могут лишь обозначить приоритеты и направления для таких проектов). Другие постоянно находятся в поисках ресурсов, зато легко решают сложные социальные или культурные задачи.

Поэтому, на мой взгляд, вопрос состоит в масштабе мышления – и одновременно в ошибках этого мышления (или в способности их не допускать). Вопрос в том, кто может

максимально точно зафиксировать реальную ситуацию, спрогнозировать её развитие, принять на основе этого анализа оптимальные решения – и совершить верные действия.

При этом, безусловно, нередко одни субъекты, преимущественно, относящиеся к системе власти и политики, считают себя «главными и основными». Фактически, небольшие, но проектно компетентные, обеспечивающие результат организации выстраивают с ними партнёрские отношения, но властные организации (они вполне могут быть, кстати, не государственными, а коммерческими) продолжают считать себя заказчиками, правомочными диктовать те или иные условия. И в этом состоит их проблема, поскольку, лишь в ходе совместной мыследеятельности можно выстроить стратегическую рамку и, соответственно, проектное действие.

Ведь и семья может занять субъектную позицию наравне с властными структурами или с крупной общественной организацией – и при этом, это далеко не обязательно сверх-богатая семья. Напротив, мы видим, что даже крайне богатые семьи, никак не могут должным образом воспитать своих наследников. И одновременно есть небогатые семьи, которые начинают проектировать свое будущее в соотношении со, скажем так, принципиальными смыслами и ценностями: как стоит прожить жизнь, как действовать должным образом? И здесь, на мой взгляд, воспроизводится тот же самый принцип: кто сформирует и реализует *большой* смысл, тот и окажется первым в условной иерархии, хотя, конечно же, речь идет про конкретную ситуацию взаимодействия между субъектами.

Я сейчас скажу, вероятно, банальную вещь, но для интервью она будет очень важна. Для меня не принципиально, как мои дети сдадут ЕГЭ, и на какие «пятерки», «четверки» и «тройки» они учатся сейчас (при том, что учатся они на «пятерки» и «четверки», но далеко не это главное). Мне важно, как они относятся к перспективе собственной жизни, к построению собственного будущего. И вот если семья выстраивает эту перспективу, она становится сильнее государства.

Либо же государство выстраивает такую перспективу, которая удовлетворяет интересам большинства семей, и они начинают воспитывать своих детей с ориентацией на неё – и вот только тогда государство оказывается, условно говоря, «сильнее». Точно так же, лидеры общественного мнения могут выстроить образ будущего, на который ориентируется и большинство семей, и государственная политика в области образования – и тогда они окажутся выше в «иерархии» - но я ещё раз подчеркну, что эта иерархия носит ситуативный характер. Кто сформировал наиболее привлекательную перспективу, тот и ведёт за собой остальных. Но другой субъект может задать ещё более значимый образ будущего, и первенство перейдет к нему. Как говорится в расхожем выражении: «Кто первый встал, того и тапки». Или, повторюсь, у кого масштаб мышления больше, и кто может предложить более содержательные идеи, тот и станет в данный момент лидером в образовательном процессе.

М.А. – Можно ли выделить для каждого из обозначенных вами типов субъектов базовые проекты будущего – формализованные и реализующиеся?

А.А. Попов. – А вот в этом случае важно понимать, что когда мы говорим о «проектировании будущего», то само слово «проект» носит в некотором смысле метафорический характер. И тем не менее, это, конечно же, проект. Но он основан как на аналитических представлениях, так и на комплексе эмоциональных восприятий, взглядов на действительность и, самое главное, ценностей. Ведь именно ценность – её передача, её трансляция, её сохранение – является важнейшим моментом в формировании другого человека. С моей точки зрения, сейчас уже отошло в прошлое разделение на материалистов и идеалистов: мы все одновременно и те и другие, и эта дихотомия потеряла смысл. Известно, что идея зачастую создаёт вполне материальные структуры, несущие и вред, и пользу: например, милитаристская идея, или идея превосходства одного народа над другим порождает вполне материальный феномен войны. Но если исходить из деятельностного подхода, то ценность означает действие, которое ты передаешь другому человеку (в случае с образовательной деятельностью, «маленькому» человеку,

взрослеющему человеку) – как образ и образец базового действия, оптимального действия, наилучшего способа действия в данной конкретной ситуации. Если угодно, как архетип такого действия, по К.Г. Юнгу, который потом закрепится у ученика на уровне «крови». Например, священник-миссионер, как это прекрасно описано в романе Фенимора Купера «Прерия», идет по прерии с крестом и обращает в христианство все встречающиеся народы и племена, хотя их множество, и каждое реагирует на его миссию по-своему – просто потому, что он не может иначе, что он уже принял это базовое действие обращать людей ко Христу как основу своей жизнедеятельности. Как бы кто ему ни говорил, что его деятельность для этих индейцев может быть сейчас не совсем уместна, он все равно будет её осуществлять, потому что им руководит именно такая **онтология**.

Так что ценность существует не на уровне морализаторства и деклараций, а на уровне организации **действия** (реализация образца и, далее, онтологии в бытовой ситуации) и деятельности (постоянного решения значимых задач определённого типа, в том числе, профессиональных, где образцом обусловлены и сами задачи, и методы их решения). И сам ваш вопрос про иерархию субъектов фактически становится вопросом онтологии: у кого она есть, тот и становится в данной ситуации «главным».

При этом важно отметить, что в современном мире границы этих трех субъектов – государства, общества и семьи – заведомо «размываются», в том смысле, что у всех них появляется право на наличие собственной онтологии.

М.А. – Онтология государства – во всяком случае, российского – известна и зафиксирована в целом ряде документов. А есть ли они у общества и у семьи в нашей стране? И можете ли вы как эксперт выделить и описать их?

А.А. Попов. – Начнем с семьи. Здесь необходимо оговориться, что в большинстве случаев субъектами образования становятся семьи, принадлежащие к так называемому «среднему классу». Поэтому, важно обратиться к его определению. Первый его признак формальный, но важный: согласно распространённым в настоящее время представлениям, он оценивается, в первую очередь, по уровню достатка на одного члена семьи. В разных странах этот уровень достатка разный, но в принципе, для каждой из них, в том числе, и для России, уровень дохода, при котором, человек может быть причислен к среднему классу, известен. Второй критерий носит уже содержательный характер: представителей среднего класса отличает способность и готовность к саморефлексии – осознанию своего места и роли в этой жизни. В этом смысле, не только, условно говоря, мелкий предприниматель или модный интеллигент, но и обычный рабочий – хотя сейчас практически не осталось «обычных рабочих», есть «синие воротнички», то есть, квалифицированные специалисты материального труда – может иметь своё мнение относительно своего предназначения, целей, интересов. На мой взгляд, второй критерий оказывается важнее первого: в наше время имеет смысл оценивать средний класс не только по уровню достатка, но, прежде всего, по уровню самосознания и самоопределения. Ситуация развития России в последние 30-35 лет, когда появилась возможность создавать собственный бизнес, предприятия, некоммерческие проекты, то есть, реализовывать свою позицию в рамках **практической деятельности**, то есть, своё идеальное мнение в материальной форме, и породила этот средний класс. Я считаю, что этот процесс уже необратим, дороги назад нет. И за счёт него появилось очень большое число семей, имеющих своё мнение и позицию, в том числе, по поводу образования собственных детей.

Снова обращусь к примерам моей собственной семьи. Например, моя племянница в 14 лет уехала в Австрию. Произошло это по одной простой причине: она занималась карате и участвовала в чемпионатах, но стабильно занимала на них третьи места, поскольку, в карате не обозначено, что считать ударом, и оценивание достижений в этом

виде спорта, как, к слову, и в фигурном катании, остаётся весьма субъективным. Как только племянница переехала за рубеж, она стала брать все первые места, в силу особенностей тамошних правил и судейства. Потом она в силу ряда причин оставила карате и стала заниматься катами (чтобы читателю было понятно, это нечто среднее между боевыми единоборствами и гимнастикой: человек наносит удары по воображаемому, несуществующему противнику). Сейчас она получает высшее образование и готовится стать олимпийской чемпионкой. При этом, заметим, принципиально сохраняя российское гражданство.

Этот пример, на самом деле, описывает «длинную стратегию» семьи и связанную с ней онтологию. Отправить ребенка в 14 лет за рубеж, чтобы он там самостоятельно жил, адаптировался, решал житейские задачи, выстраивал связи – это ведь очень непростое решение – но ориентированное на то, чтобы через определённый, достаточно большой, промежуток времени этот ребёнок, уже став взрослым человеком сформировал и воплотил в жизнь собственный потенциал. Кстати, интересно, что в реальных боях по карате она уже участвовать принципиально не хочет – опять же исходя из гуманитарной идеологии семьи. И это ещё одна грань семейной онтологии: те ценности, которые даже не вменяются ребёнку директивно, а реализацию которых, он наблюдает в семье и затем воспроизводит.

Подводя итог относительно онтологии семьи как субъекта образования: у каждой семьи, безусловно, есть своя система ценностей, фактически, идеология, а значит, и своя если не онтология, то набор онтологом. Но их, вероятно, можно обобщить понятием «самоопределение», обозначающим возможность иметь своё мнение и свою позицию по отношению к миру и к происходящим в нём событиям, а также к устоявшимся культурным формам и связанным с ними ценностям. Как говорят марксисты, «семья – это ячейка» общества. Но на мой взгляд, семья – это, скорее, ячейка культуры и основной участник культурно-исторического самоопределения. Вероятно, можно говорить, что в основе семейной идеологии лежит именно культурно-историческое самоопределение детей и построение их долговременных стратегий.

Теперь перейдем к онтологии общества. Стоит отметить, что общественное мнение в нашей стране только-только формируется. Большим благом является то, что законодательство допускает работу общественных организаций различного типа, выражающих мнение конкретных людей или социальных групп, и позволяют им заниматься теми или иными видами деятельности, исходя из того, что им это ценно само по себе, а не в связи с извлечением прибыли. Эти общественные структуры ни в коей мере не противостоят государству, но предполагают, что оно будет выслушивать их позицию, как-то к ней относиться, поддерживать наиболее значимые инициативы. Повторюсь – пока пространство общественных организаций и их инициатив лишь формируется – но это очень важный процесс. Чем он важен? – тем, что на следующем шаге своего развития конструктивные общественные структуры, так или иначе, сыграют значимую роль в становлении сильного эффективного государства. Его функционирование будет опираться именно на них.

В силу того, что «общественное пространство» лишь формируется, его позиция, а значит, и онтология, ещё не прояснены до конца. Но если обобщать позиции

общественности, существующие и демонстрируемые на данный момент, то «интегральную», совместную позицию можно обозначить как гуманитарно-демократическую. Она опирается на следующие тезисы: мы должны иметь свое мнение, мы должны действовать, мы должны участвовать в развитии нашей страны, мы патриоты, при этом, мы не позволим какого бы то ни было давления на себя.

Отсюда вытекает и онтология общества относительно развития образования: необходимо сформировать определённый пул людей, которые будут независимыми в определённых аспектах своей жизни, бесстрашными, при этом, заведомо патриотов России. Реализация такой онтологии – сложный процесс, но принципиально необходимый, и не только для общества, но и для государства. Потому что рабы не могут управлять государством, не могут выполнять государственные функции, - для этого нужны люди с теми характеристиками, которые определяет онтология общества в отношении образования. Только свободный самоопределенный человек может заниматься развитием, в том числе, экономики и государственной системы.

Теперь рассмотрим образовательную онтологию государства. И этот вопрос, на мой взгляд, наиболее сложен, поскольку, государство – любое государство, а не только Российская Федерация – всегда, так или иначе, удерживает собственные интересы. И в рамках этих интересов, человек для государства никогда не являлся – и никогда не будет являться – главной ценностью, в отличие от общества и семьи. И это не потому, что государство – заведомо «бесчеловечная» структура, а потому, что у него по определению иные задачи, несоразмерные по своему масштабу с отдельной личностью, например, принимать решение о том или ином международном альянсе; об освоении пустующих территорий, и т.п. . Оно удерживает, во-первых, целостность территории; во-вторых, эффективность управления; в-третьих, общие организующие идеологемы. Решение этих задач в конечном счёте приносит пользу отдельному человеку – но решая их, оно не может и, вероятно, не должно принимать во внимание «частные» интересы отдельного человека. Но поэтому, на мой взгляд, государство не должно быть единственным субъектом, который определяет содержание образования и воспитания. Оно всегда должно находиться в диалоге с двумя другими субъектами, названными мной ранее. И этот диалог представляет собой очень «тонкий» по исполнению процесс.

Поэтому, современные чиновники должны понимать, что их самая главная функция состоит в том, чтобы организовать диалог и понимание с другими людьми и группами, прежде всего, с общественными структурами и с семьями. В целом, все три субъекта должны находиться в состоянии постоянной коммуникации, «триалога» между собой. Если эта коммуникация не будет поддерживаться, то у каждого из субъектов оформится собственная цель, которая может не совпасть с целями других, что приведёт к заведомо плохим последствиям, и не только к хаосу в сфере образования.

М.А. – Но как организовать эту коммуникацию и кооперацию между тремя субъектами? Можно ли предложить для этого буквально пошаговый алгоритм? И какой бы совет вы дали управленцам в связи с выполнением этой функции – в том числе, не только государственным или муниципальным чиновникам, но, может быть, менеджерам общественных организаций или руководителям семейных ассоциаций? Что нужно сделать,

чтобы выстроить эту кооперацию на разных уровнях: от самого высокого до самого низового – до конкретной школы в конкретном муниципалитете?

А.А. Попов. – Прежде всего, управленцам важно понимать, что наше государство уже давно не является тоталитарным или авторитарным, где есть единый и непререкаемый центр власти. В России существуют очень разные субъекты управления и принятия решений. Например, тот же родитель может полностью самостоятельно принимать решения по поводу своего ребенка. Да и сам ребёнок, по крайней мере, с определённого возраста, может принимать такие решения. По этому поводу совершенно недавно был яркий пример. В Государственную Думу был внесён законопроект, по поводу того, что ЕГЭ должно стать необязательным для обучающихся – так же, как и в большинстве стран мира. Да, в них существуют свои аналоги ЕГЭ, то есть, единообразной итоговой аттестации по результатам получения общего среднего образования. Но там ученики имеют выбор: сдавать им эти экзамены или не сдавать. Во Франции вообще свободная система: там для поступления в некоторые университеты достаточно послать эссе, а комиссия уже рассмотрит, насколько ты готов к обучению у них. Ситуация «унитарности», то есть, приведения всех участников образовательного процесса к единому организационному стандарту (я не говорю сейчас про содержательный стандарт), уходит в прошлое. В том числе, уходит та ситуация начала 2000 годов, когда ЕГЭ был принят, и когда это было оправданным действием. Но сегодня надо понимать, что население – и ученики, и родители, – должны получить возможность для реализации *разных* образовательных стратегий. Путей для построения и институционализации такой «линейки» стратегий много, и французский вариант далеко не является единственным.

В этом вопросе принципиальна роль общественных организаций, поскольку, они становятся посредниками между родителями и детьми с одной стороны, и государством с другой стороны. Поэтому, пренебрежение позицией и, тем более, конструктивными предложениями общественных организаций в сфере образования – это глупость, которая может привести к серьезным конфликтам, которые сегодня совершенно недопустимы в нашей стране.

Поэтому, прежде всего, я бы объяснял управленцам сущность социальной онтологии, которая фактически представляет собой *коммуникацию*. Стоит помнить, что средним слоем схемы мыследеятельности Георгия Петровича Щедровицкого является именно коммуникация. Её организация требует определённых усилий, и, увы, не сводится к тому, чтобы «откупиться» от общественности предоставлением грантов на реализацию проектов. Она предполагает вхождение в реальный переговорный процесс, в том числе, понимать и принимать равноправие сторон в рамках этого процесса.

Поэтому же, система показателей результативности в сфере управления образованием, существующая сегодня в нашей стране, должна быть пересмотрена (примером здесь может быть уже не только Франция, но и, например, Финляндия).

Базовый вывод прост: сегодня мы уже не можем строить «унитарную» страну с едиными и непререкаемыми центрами управления. Это не получится как с точки зрения методологии, так и с точки зрения объективных законов социального взаимодействия. Мир в крайней степени изменился. Вступать в нем в конфликт и пытаться поставить друг

друга на колени (а это пытается делать не только государство в отношении общественности и семьи, но последние нередко пытаются подчинить себе чиновников) – заведомо проигрышный вариант, чреватый «войной всех против всех» по Томасу Гоббсу. И напротив, построение продуктивной коммуникации между государством, общественностью и родительским сообществом, и на её основе будут приниматься решения, сделают нашу система образования и всю нашу страну намного сильнее.